

Бородинское сражение. Оборона батареи Раевского (Курганной высоты).

По сведениям военного историка и архивиста, полковника Русской императорской армии Николая Петровича Поликарпова,¹ накануне Бородинского сражения, а именно с 24 августа 1812 года один батальон Елецкого пехотного полка находился в командировке в городе Можайске, где он состоял в распоряжении помощника военного генерал-полицеймейстера полковника Шульгина, поэтому полк действовал в Бородинском сражении в одnobатальонном составе. Кроме того, гренадерская рота 2-ого батальона полка входила в состав 2-ого сводного гренадерского батальона 11-й пехотной дивизии. Сама дивизия располагалась в составе 4-ого пехотного корпуса, который совместно со 2-ым пехотным корпусом под общим командованием генерала от инфантерии М.А. Милорадовича составили крайний правый фланг русских войск.

В первой половине Бородинского сражения Елецкий пехотный полк, как и весь 4-й пехотный корпус, участия не принимал. За исключением 1-ого егерского полка, который имел самостоятельный участок боевых действий. Дальнейшие события, связанные с военными действиями 4-ого пехотного корпуса на Бородинском поле, будут изложены по материалам работы русского военного историка, генерал-лейтенанта Модеста Ивановича Богдановича «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам» (сочинение М. Богдановича. - Санкт-Петербург: Торговый дом С. Струговицкого, Г. Похитонова, Н. Водова и К°, 1859-. - 28 см. т. 2. - 1859. - VII, 651 с., [5] л. карт. + 2 л. карт.)²:

«Когда же обнаружилось намерение неприятеля — вести усиленные атаки на левое крыло и в центр нашей позиции, тогда князь Кутузов, по предложению Баркляя де-Толли, отдал (около девяти часов) приказание генералу Милорадовичу перевести 2-й кавалерийский, и 4-й пехотный корпуса ближе к центру нашей позиции, что и было исполнено постепенно: около полудня войска 4-го пехотного корпуса уже находились в резерве за 6-м корпусом. Между тем Наполеон готовился возобновить атаку на батарею Раевского войсками вице-короля; поддержав их частью резервной кавалерии и гвардии.

Таково было начало второго акта Бородинской битвы.

В первом часу войска вице-короля получили приказание снова атаковать батарею Раевского; Молодая гвардия и резервная кавалерия двинулись для содействия этому нападению. Между-тем генерал граф

¹ Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. (Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года). Печатня А. Снегиревой. Москва. 1913. 684 с. Опубликовано на сайте Руниверс: <https://runivers.ru/lib/book7626/403687/>

² Опубликовано на сайте Российской государственной библиотеки: <https://dlib.rsl.ru/>

Сорбье, заметив усиление нашего центра свежими войсками (это были полки принца Евгения Вюртембергского и прибывшие за ними вслед обе дивизии Остермана), полагал, что сие передвижение было сделано с наступательною целью; и потому усилил огонь артиллерии, действовавшей против сего пункта, высланными из резерва тридцатью шестью орудиями гвардейской артиллерии и сорока девятью конными орудиями корпусов Нансути и Латур-Мобура.

Эти огромные батареи, построившись впереди Семеновского, открыли огонь против войск Остермана и принца Вюртембергского, поражаемых в то же время канонадою со стороны вице-короля. Наполеон, считая наш центр достаточно ослабленным, надеялся сокрушить его решительным ударом; огромные массы неприятельских войск, как грозные тучи, облагали нашу позицию; за ними стояла Французская гвардия, еще не бывшая в деле.

Но в этот самый момент, предположенная атака неприятеля была приостановлена смятением в войсках вице-короля, оставленных у Бородина за Калочью. Издали можно было видеть беспорядок в обозах, стоявших на большой дороге; в соседстве этого пункта.

Множество повозок и нестроевых искали спасения в бегстве.

Причиною этой тревоги была атака генерала Уварова на левое крыло неприятельской армии. Получив, как сказано в его рапорте, повеление князя Кутузова — перейти с 1-м кавалерийским корпусом через речку и атаковать левый фланг неприятеля; чтобы оттянуть его силы, которые столь сильно стремились атаковать Вторую нашу армию. Уваров с 1-м кавалерийским корпусом, в составе 28-ми эскадронов с 12-ю конными орудиями, перешел в двенадцатом часу вброд через Калочу, близ селения Малаго, и направился к Войне, обойдя источники одного из болотистых притоков Калочи. По достижении Войны, около полудня, в то время, когда батарея Раевского уже была отбита Ермоловым, войска Уварова имея влево от себя село Бородино, сильно занятое неприятелем; а с фронта 84-й французский линейный полк и легкую кавалерийскую бригаду Орнано; в числе нескольких сот всадников.

Генерал Уваров тотчас же атаковал неприятеля Елисаветградскими гусарами и Лейб-казаками, за которыми следовали гвардейские полки: драгунский, уланский и гусарский; Нежинский драгунский и конная рота № 2-го.

Лишь-только было замечено наступление наших войск, то конница Орнано перешла у селения Беззубова через мельничную плотину, за Войну; а 84-й полк построился перед плотиною в каре, куда укрылся и вице-король, поспешно прибывший на левый фланг. Одновременно с тем были переведены на левую сторону Калочи 6-й; 8-й и 25-й конно-егерские полки дивизии Шастеля (3-го корпуса Груши), дивизия Лагуссе (того же корпуса и итальянская гвардия. Когда Уваров приказал Лейб-гусарам идти в

атаку, Клаузевиц, тогда находившийся при 1-м кавалерийском корпусе; предложил сперва расстроить французов огнем батареи; но это мнение не было принято, из опасения упустить неприятеля и потерять случай нанести ему поражение.

Три раза наши гусары ходили в атаку и каждый раз были отбиваемы огнем французской пехоты; наконец, когда велено было снять орудия с передков и открыть огонь, французы отошли за плотину, оставив в наших руках орудие, захваченное гусарами. Сам вице-король подвергался большой опасности, — под ним была убита лошадь; один из его адъютантов, Межан, был ранен. Но весь наш успех ограничился отступлением французов за Войну, потому что Уваров не мог перейти с одною кавалерию через плотину в виду значительных неприятельских сил стоявших на правой стороне Войны; а нападение на Бородино, сильно занятое неприятельскою пехотою, также не обещало успеха. Между-тем Платов, с несколькими казачьими полками, перешедший через Калочу одновременно с Уваровым, найдя выше Беззубова удобное место для перехода через Войну; перевел на другую сторону этой речки своих казаков, которые рассыпались в кустах между неприятельскими колоннами и зашли им в тыл. Пехота вице-короля, занимавшая выход с плотины, опасаясь быть отброшенною в болото, отошла от речки, что способствовало Лейб-казачьему полку промчаться через плотину в кусты и кинуться в тыл неприятельской пехоты.

Пользуясь суматохою, которую произвело это неожиданное нападение, наши казаки отступили обратно через плотину. Между-тем полки Уварова, получив от Баркляя де-Толли приказание возвратиться на правую сторону Калочи, отошли, вместе с казаками Платова, к Горкам, около четырех часов по полудни.

Наполеон, узнав о нападении наших войск на левое крыло его армии, приостановил наступление вице-короля на батарею Раевского; приказал дивизии Роге сделать фланговое движение влево с речки Каменки к Калочи, а Вислянскому легиону Клапареда податься к Каменке, и поскакал за Калочу на большую дорогу, где, удостоверившись в отступлении Уварова, возвратился к Шевардину.

В то же время вице-король снова прибыл на правую сторону Калочи куда вслед за ним пришла и дивизия Лагуссе.

Вообще же нападение Уварова на левое крыло неприятельской армии, произведенное без содействия пехоты, которое, по свойствам местности в окрестностях Бородина, было необходимо, не имело решительных последствий, но принесло нам большую пользу, заставив Наполеона потерять в бездействии около двух часов; в продолжении которых мы успели усилить наш центр войсками с правого крыла и из резерва и занять промежуток образовавшийся между батареей Раевского и Семеновским ...

Наполеон, убедившись в том, что левое крыло его было атаковано незначительными силами, решился возобновить атаку на батарею Раевского войсками вице-короля с частью резервной кавалерии дивизии Брусье, Морана и Жерара, поддержанные слева войсками дивизии Шастеля (кавалерийского корпуса Груши), были назначены для нападения с фронта и правого фланга; между-тем как дивизия Ватье корпуса Монбрюна (под начальством Коленкура) и дивизия Лоржа корпуса Латур-Мобура, принявшая влево после взятия французами Семеновского, должна была обойти наше укрепление с левого фланга.

Барклай де-Толли, заметив угрозу, готовую разразиться над нами, приказал 4-му пехотному корпусу графа Остермана, стоявшему в резерве близ кургана, вступить в первую линию на место остатков 7-го корпуса, левее и позади батареи Раевского; за 4-м корпусом стали Преображенский и Семеновский полки, а за ними назначено было расположить кавалерию в две линии: в первой 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, под общим начальством Корфа, а во второй—полки Кавалергардский и Конной гвардии. Но 2-й кавалерийский корпус, замедленный переходом через Стопец, тогда еще не прибыл с правого фланга, а большая часть 3-го, под начальством Дорохова, была отряжена в помощь левому крылу. Сближение резервов к боевым линиям, необходимое по сгущению неприятельских масс против укрепления, составлявшего ключ позиции, подвергло нас жесточайшему урону от огня огромных неприятельских батарей, выставленных частью по нижней Семеновке, отделявшей нас от войск вице-короля, частью впереди развалин Семеновского. Наша резервная конная артиллерия, в составе восьми рот, находясь постоянно в огне, много содействовала к удержанию неприятеля и понесла большие потери; в особенности же рота полковника Никитина, в которой убито 93 человека и 113 лошадей и повреждено семь орудий.

В два часа по полудни Коленкур повел в атаку дивизию Ватье, между-тем, как продолжалась усиленная канонада, что заставило нашу пехоту перестроиться в каре под жесточайшим огнем неприятельских батарей. Здесь потерял ногу начальник 23-й дивизии, генерал-майор Бахметьев 2-й; ранены генерал-майоры Бахметьев 1-й и Алексополь. Сам Остерман, сильно контуженный, принужден был удалиться с поля сражения.

Неприятель понес также огромный урон. Французские историки сравнивают наше курганное укрепление со стальною массою, сверкавшею пламенем. Кирасиры Ватье, перейдя Семеновку ниже устья Каменки, направились кратчайшим путем влево от батареи и опрокинули часть 6-го пехотного корпуса, стоявшую правее укрепления, в Горицкий овраг; между-тем, как 5-й кирасирский полк, следовавший в последнем эшелоне, повернув вправо, перенесся через ров и бруствер на батарею. Но огонь пехоты, расположенной за укреплением, тотчас заставил кирасиров

очистить его; и сам Коленкур был убит пулею в горже батареи. Дивизии Дефранса следовало, оставив батарею влево, атаковать нашу позицию, одновременно с кирасирами, но она несколько опоздала, а между-тем корпус Латур-Мобура также пошел в атаку, в обход батареи с левого фланга: уланская дивизия Рожнецкого, построенная в две линии, составляла правое крыло, а кирасирские полки, двигавшиеся один за другим, левое; в центре находились конные батареи.

Впереди всех, саксонская гвардия пошла в атаку прямо на батарею, а кирасиры Цастрова и Малаховского, поддержанные вестфальскою бригадою, ударили на полки Перновский, Кексгольмский и 33-й егерский³, стоявшие с левой стороны батареи, несколько позади горжи ее, в овраге, но эти храбрые полки, допустив неприятеля на расстояние около шестидесяти шагов, встретили его залпами и обратили назад в совершенном расстройстве.

Между-тем Тилеман, с саксонскими гвардейскими кирасирами, перейдя через ров и бруствер, ворвался в укрепление. Пехота наша, занимавшая батарею, оборонялась отчаянно. В углу укрепления, на походном стуле сидел изнуренный болезнью, но крепкий духом, начальник защитников кургана генерал Лихачев. Возвышая слабый свой голос, среди грома выстрелов и крика сражающихся, он возбуждал своих подчиненных к героическим подвигам. Когда же, наконец, уже не было никакой надежды отстоять батарею, Лихачев собрал последние силы и кинулся в толпу неприятелей, чтобы погибнуть вместе с потерей залога, вверенного его защите Отечеством. Уже храбрый вождь, пораженный несколько раз штыками, был повергнутый на землю, но неприятели, узнав в нем русского генерала, остановили смертный удар, готовый поразить его. В продолжение этого боя, вице-король, с пехотными дивизиями Брусье, Морана и Жерара, подошел к кургану и занял головными своими батальонами (9-го линейного полка) нашу батарею. Барклай де-Толли, желая овладеть обратно курганом, вывел из оврага ближайшие батальоны 24-й дивизии; в этот самый момент кирасиры Малаховского, в колонне по три, спустились в овраг, чтобы обойти нашу пехоту с фланга, и, хотя это покушение не удалось, однако заставило Барклая отказаться от нападения на курган и ускорило отступление русских войск за Горицкий овраг. Неприятельская кавалерия, ободренная тем, решилась атаковать пехоту 4-го и 6-го корпусов, которая между-тем, построилась в батальонные каре за оврагом: саксонский полк Цастрова обошел его движением вправо; затем — вся кавалерия Латур-Мобура с содействием подоспевшей на место боя дивизии Дефранса, кинулась в атаку на нашу пехоту. Польские уланы, выдержав огонь одной из наших батарей, на которой тогда находился начальник артиллерии 6-го корпуса

³ То есть части, составлявшие 11-ую пехотную дивизию. Видимо Елецкий батальон находился среди них.

генерал Костенецкий, стали рубить канонеров. Сам Коотенецкий, одаренный необыкновенною телесною силою, схватил банник, свалил с лошадей несколько улан и с помощью своих артиллеристов, отбил от неприятелей.

Барклай де-Толли, заметив ослабление нашей кавалерии, которой значительная часть тогда находилась на левом крыле, решился удерживать неприятеля одною пехотою. Сам он, описывая Бородинское сражение, говорит: «Высота с частью артиллерии была взята штурмом 24-я дивизия возвращалась в величайшем смятении, но была немедленно остановлена и построена. Тогда неприятельская кавалерия соединенными силами устремилась на нашу пехоту. Казалось — уже наступила минута решения участи боя; кавалерия моя не могла удержать громаду двигавшихся на нее сил, и я не смел вести ее против неприятеля, полагая, что она, будучи опрокинута, отступит в беспорядке и приведет в расстройство пехоту.

В этот решительный момент подоспели из резерва, по приказанию Барклая, приведенные адъютантом его Кавалергардский и Конногвардейский полки, под начальством своего бригадного командира, генерал-майора Шевича. Оба полка, прибыв на рысях, стали за небольшим возвышением впереди Князькова. Между-тем неприятель, овладев вторично батареей Раевского и желая воспользоваться этим успехом, атаковал частью пехоты вице-короля и 3-го кавалерийского корпуса (именно — войсками дивизии Дефранса и Шастеля и 7-м драгунским полком дивизии Лагуссе) 7-ую пехотную дивизию Капцевича с фронта и правого фланга. Одно из наших каре 19-го егерского полка было прорвано атакою французских карабинер дивизии Дефранса. В это время правее Кавалергардского полка стоял прибывший из резерва второй дивизион 2-й гвардейской конной батареи, под командою подпоручика барона Корфа. Заметив расстройство нашего каре, он, не ожидая приказаний, вынесся со своими орудиями, на встречу неприятелю. Лишь-только наша пехота раздалась в стороны, орудия открыли огонь картечью, с расстояния около ста сажень, по неприятельской пехоте и рассеяли ее, устлав пространство впереди батареи грудой трупов. Но легкая кавалерия Шастеля, несмотря на убийственное действие картечью, продолжала наступать и кинулась врассыпную на наши орудия, которые, находясь тогда на задних отвозах, отходили довольно медленно. Уже французские всадники находились в интервалах орудий Корфа, когда он, взъехав на возвышение, закричал командиру первого взвода правогофлангового эскадрона Кавалергардского полка: «Баишаков! выручи орудия». В один миг весь Кавалергардский полк ударил на французов и спас артиллерию. Вслед затем Барклай де-Толли, подъехав к командовавшему Кавалергардским полком полковнику Левенвольде, велел ему идти в атаку.

Левенвольде построил полк уступами с флангов, провел его, под картечным огнем, сквозь линию кареев 19-го и 40-го егерских полков и ударил на неприятеля, двинувшегося ему навстречу в двух линиях: первая состояла из саксонских кирасирских полков Гвардейского и Цастрова, вторая из польских улан. Левенвольде был намерен с 1-м эскадроном атаковать неприятеля с фронта, а 4-м, шедшим левее его, зайти Саксонцам во фланг. Скомандовав: «В галоп!» Левенвольде закричал командиру 4-го эскадрона, ротмистру Давыдову: «Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо», и в это самое время упал с лошади, пораженный смертельно картечью в голову. Смерть его, в самую решительную минуту, ослабила удар наших отборных латников, но несмотря, однако на то, Кавалергарды, под начальством полковника Левашова, занимая конницу Латур-Мобура несколько раз повторенными атаками, не позволили неприятелю возобновить нападение на нашу пехоту. Атакам Кавалергардов содействовал Конногвардейский полк.

Между тем к неприятелю беспрестанно подходили подкрепления и потому Барклай приказал генерал-адъютанту барону Корфу, со 2-м кавалерийским корпусом, поспешить в помощь центру. Лишь-только прибыла часть сего корпуса, то Корф послал генерал-майора Панчулидзева 2-го с Изюмским гусарским и Польским уланским полками, в атаку против кирасиров Ватье и карабинеров Дефранса, но наши полки, еще не успев развернуться, были атакованы неприятелем и приведены в беспорядок. Тогда обер-квартирмейстер 2-го кавалерийского корпуса, капитан Шуберт, и адъютанты корпусного командира, капитан Яковлев и ротмистр Лашкарев, собрав расстроенные полки, способствовали удержанию неприятельской кавалерии. Генерал Корф приказал Псковскому драгунскому полку, под начальством полковника Засса, идти в атаку правее кургана, а Московским драгунам расположиться в резерве. Полковник Засс, заметя, что неприятельская пехота и конница (в рапорте Корфа сказано — конные гренадеры) быстро подавались вперед, угрожая правому флангу Изюмского и Польского полков, которые тогда еще не успели оправиться, атаковал неприятеля (вероятно 7-й драгунский полк), опрокинул его и отозвав назад свои эскадроны, устроил их под неприятельскими выстрелами в наилучшем порядке, часть кавалерии Груши, остававшаяся в резерве, кинулась в атаку на Псковских драгун, но была также приведена в расстройство и преследована до самой пехоты; полковник Засс, пользуясь этим успехом, ударил в левый фланг крайнему батальону и врубился в него.

Удач Зассовых драгун содействовала стрельба картечью, с весьма близкого расстояния, первого дивизиона гвардейской конной батареи № 2-го, под личным начальством полковника Козена (прибывшего с левого крыла к центру). Неприятельская кавалерия была приведена в смятение, но вслед затем, эти орудия, вынесшись еще бол е вперед, по указанию полковника Кудашева, наткнулись на 12-ти-орудийную неприятельскую

батарею и понесли большой урон; в числе смертельно раненых был командир 2-й конной батареи, капитан Раль.

В продолжение времени этих действий прибыли на место боя полки 3-го кавалерийского корпуса: Сумский и Мариупольский гусарские, Оренбургский, Сибирский Иркутский драгунские, а также и полки 2-го кавалерийского корпуса. Здесь завязалось упорное дело: атаки быстро следовали одна за другою с переменным успехом. Лошади павших всадников бежали целыми табунами. Сам Барклай со своею свитою участвовал в схватке и принужден был обнажить саблю для собственной защиты. Один из его адъютантов, граф Ламсдорф был застрелен из пистолета. Со стороны неприятеля убиты: дивизионный генерал Шастель и бригадные генералы Гюар (Huard) и Жерар; ранены: командир 3-го кавалерийского корпуса Груши и бригадный генерал Домманже. В продолжение кавалерийского дела вице-король сильно занял курганную батарею и пространство по сторонам её, а русские войска, отойдя окончательно за Горицкий овраг, расположились; в четвертом часу по полудни, в расстоянии около четырех сот сажений от взятого неприятелем укрепления, примыкая правым флангом к селению Горкам. Левое же наше крыло тогда было расположено на пушечный выстрел от Семеновского, упираясь флангом в лес, лежащий по обе стороны старой смоленской дороги. Войска обеих сторон, утомленные, ослабленные продолжительным действием мало-помалу прекращали свои усилия. Пехота стояла в небольших колоннах, заключающих в себе едва треть людей, введенных в дело при начале сражения; все прочие были убиты, ранены, заняты уборкой изувеченных своих товарищей, либо собирались в тылу боевых линий; кавалерия продолжала частные атаки рысью; артиллерия, потрясавшая громом своим всю окрестность, постепенно умолкала. Только на левом нашем крыле все-еще продолжалась весьма жаркая перестрелка ...

Таким образом около шести часов вечера наши войска занимали следующее расположение: 6-й пехотный корпус стоял правым флангом у батареи при селении Горки, откуда первая линия простиралась по направлению к Семеновскому; 4-й пехотный корпус примыкал под исходящим углом к левому флангу 6-го; далее влево были расположены остатки пехоты 2-й армии, упираясь в кустарник занятый Измайловским и Финляндским гвардейскими полками; наконец 3-й пехотный и большая часть 2-го пехотного корпуса, под начальством Баггевута, стояли отдельно, по обе стороны старой смоленской дороги; на продолжении линии занятой войсками 2-й армии, образуя с нею входящий угол, Кавалерийские корпуса расположены были во второй линии; а 5-й (гвардейский) корпус в резерве.

С нашей стороны, в продолжение битвы, не участвовали в ней только четыре егерских полка, стоявшие с начала сражения на правом фланге позиции; а со стороны неприятеля — вся его гвардия, в числе

около двадцати тысяч человек отборного войска. К тому же русские войска были оттеснены на позицию; не представлявшую никаких выгод в оборонительном отношении; за нею, в расстоянии около двух тысяч шагов, пролегал с нею в параллель, путь отступления к Москве. В таких обстоятельствах наступление Наполеоновой гвардии, поддержанной частью войск уже бывших в бою, могло иметь весьма решительные последствия. Еще солнце стояло высоко, когда Мюрат прислал генерала Бельяра к Наполеону с просьбою о содействии гвардии. Маршал Ней также приказал известить его, что участие гвардейской кавалерии в бою могло довершить расстройство русской армии. Уверяют, будто бы Бертье и Бессьер, тогда находившиеся при Наполеоне, отклонили его от дальнейшего наступления. Желая убедиться лично в донесениях Мюрата и Ней, он поскакал к сражавшимся войскам, сперва на Семеновские высоты, потом на батарею Раевского: везде он видел Русских, оттесненных к пути их отступления, но стоявших твердо в ожидании нового боя. «Je ne ferai pas demolir ma garde. A huit cents lieues de France, on ne risque pas sa derniere reserve» (Не хочу расстроить мою гвардию. В трех тысячах верстах от Франции, не следует жертвовать последним резервом) — сказал он.

С нашей стороны ежеминутно ожидали наступления справедливо прославленной Наполеоновой гвардии. Но неприятель ограничивался канонадою, которая, мало-помалу, утихала ...

... в полночь получено было предписание князя Кутузова отступить за Можайск».

Живой свидетель Бородинского сражения артиллерийский офицер Илья Радोजицкий, на протяжении всего сражения, так и не принял в нем участия. Нахождение значительной части нашей артиллерии в резерве связывают с гибелью начальника всей артиллерии 1-ой армии генерал-майора, графа Александра Ивановича Кутайсова в бою при освобождении Курганной высоты. Но Радोजицкий И.Т. оставил яркие воспоминания внимательного наблюдателя:

«24 августа французы, поднявшись от д. Гридневой, атаковали арьергард наш, находившийся перед Колоцким монастырем, под начальством генерала Коновницына. Преследование было горячее до самой Бородинской позиции. Мы с утра слышали приближающуюся к нам канонаду. Наконец, пополудни, Наполеон имел удовольствие увидеть всю армию нашу в грозном ополчении, готовую встретить его войска решительным боем. Заметив против нашего левого фланга отдельный редут, выставленный ему как бы для приманки, он тотчас приказал своим взять его, и к вечеру редут был в руках французов, хотя с большим для них уроном. Отсюда Наполеон стал развивать свои силы, избрав взятый редут центром наступательных действий.

На другой день войска обеих враждующих армий стояли в виду одни против других, в таинственной тишине, какая бывает перед ужасной бурей. Вожди занимались распоряжениями для предстоящей битвы.

Легкая рота артиллерии капитана Фигнера была рассеяна в кустарнике, против Нового Сельца, которое прошедшей ночью нарочно было выжжено, чтобы не могло служить прикрытием для неприятелей. Фигнер на досуге пригласил меня и поручика Нагеля съездить за цепь — посмотреть вблизи неприятельский стан. Мы переехали вброд Колочу, против обгорелых развалин сожженной дереvушки. Версты за полторы впереди, на поле, увидели мы кавалерийскую цепь французских драгунов, а за ней — взвод спешившихся, стоящих на пикете. Поблизости к ним находилась деревня Логинова, где множество кавалеристов набирали солому в большие вязанки, с которыми тащились к своим бивакам. Мы подъехали к ведетам почти на ружейный выстрел, так что могли разглядеть мужественные лица драгунов под огромными шишаками: они покрыты были светлыми плащами и сидели верхом, как вкопанные, на своих местах. Далее за цепью заметно было движение войск, переходивших с места на место. Насмотревшись досыта, мы отъехали к своим пушкам благополучно, не быв наказаны за свою дерзость никаким несчастьем.

Перед вечером во всех полках происходило молебствие о даровании победы православному российскому воинству в предстоявшей битве. Вскоре вышел приказ от главнокомандующего, в котором между прочим было сказано, чтобы все рода войск во время сражения подкрепляли друг друга, кавалерия пехоту, а пехота артиллерию, чтобы по несколько здоровых не отводили одного раненого и не оставляли бы пустоты в рядах, чтобы резервы употреблялись только по его приказанию, а главнейшее, чтобы старались избегать напрасной стрельбы. Князь Кутузов, объезжая ряды и видя бодрость на лицах русских воинов, готовых умереть за отечество до последнего, говорят, сказал окружающим: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что, разбив их, нам нечем будет доколачивать». Русских сил точно было недостаточно: у нас считалось до 115 000 регулярного войска, 7 000 казаков, 10 000 ополчения и 640 пушек; у французов было 190 000 лучшего войска и до 1 000 орудий. Впрочем, наше неравенство сил заменялось любовью к отечеству и жаждой мщенья. Вспоминая прежнюю славу русского победоносного оружия, каждый солдат горел нетерпением сойтись с неприятелями, чтобы в их крови омыть нанесенное всем оскорбление. Все мы были в полном увереннии на распорядительность мудрого, поседевшего в бранях полководца. Французы также готовились к решительному бою, только не с чувством любви к отечеству, а с жадностью к добыче и славе завоевания. Они зашли слишком далеко и для спасения себя желали восторжествовать победой, желали сохранить честь своего оружия. Два с половиной месяца они ожидали

решиительного боя, который довел бы их до цели предприятия. Французы понесли великие трудности, претерпели неизвестные дотоле нужды. Им представлялось два конца: если будут побеждены, то гибель их неизбежна; если же останутся победителями, то приятнейшие надежды льстили их честолюбию. Москва лежала перед ними — за полем битвы. Им надлежало только пройти по трупам сынов ее, чтобы достигнуть добыч, чувственных наслаждений, славного мира и возвращения в отечество. Так на полях бородинских долженствовала решиться участь великой армии Наполеоновой, совокупных сил почти целой Европы. Французы, немцы, итальянцы, испанцы, поляки — все готовы были для прихоти одного необычайного человека — победить или умереть. Но они умерли вместе со славой этого гения-истребителя.

День приготовлений к страшному бою казался скоротечным. Общая тишина в войсках была предвестницей близких ужасов. Сколько тысяч несчастных жертв человеческой вражды в этот день еще наслаждались жизнью, а завтра должны были смешаться с прахом земли! Сколько отважных честолюбцев готовились ознаменовать себя подвигами, не помышляя о смерти, а завтра они должны были ринуться в вечность забвения! ... Так определено человеку быть игрой страстей: умом возноситься к небу и исчезать в земной ничтожности.

Солнце светило ярко и золотыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей; оно играло на меди пушек ослепительным блеском. Всё устраивалось для кровопролития следующего дня: московские ратники оканчивали насыпи на батареях, артиллерию развозили по местам и готовили патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили португезы и перевязи, словом, в обеих армиях 300 000 воинов готовились к великому, страшному дню.

Наступила ночь; биваки враждующих сил запылали бесчисленными огнями, кругом верст на двадцать пространства; огни отражались в небосклоне на темных облаках багровым заревом: пламя в небе предзнаменовало пролитие крови на земле. Велики были собранные силы, велико предстояло побоище — знаменитое в летописях мира.

Бородинская битва многими очевидцами описана, и почти всякому известна, а потому, избегая повторений, опишу только некоторые картины и случаи.

С восхождением солнца, по всей линии от левого фланга до середины, открылась ужасная канонада из пушек, гаубиц, единорогов. Выстрелы так были часты, что не оставалось промежутка в ударах: они продолжались непрерывно, подобно раскату грома, производя искусственное землетрясение. Густые облака дыма, клубясь от батарей, возносились к небу и затмевали солнце, которое покрывалось кровавой пеленой, будто изменяясь от ожесточения и ярости человеческой. Мы с

Фигнером на правом фланге долго оставались спокойными зрителями этого явления и безмолвно стояли при своих пушках, ожидая ежеминутно себе назначения для участия в общей битве. Ядра неприятельские долетали до нас последними прыжками или катились на излёте; гранаты хлопали в воздухе и, рассыпаясь осколками, производили страшные звуки.

На левом фланге происходила жесточайшая битва: русские мужественно держались в окопах, французы за каждый шаг вперед платили несметной потерей людей. Нельзя не удивляться отчаянно, с каким они лезли на смерть; нельзя не удивляться присутствию духа русских, с каким они защищались, удерживая стремление превосходных сил неприятеля.

*Когда французы в середине нашей линии овладели в первый раз курганным люнетом и были опрокинуты, в то время приказано пехоте 4-го корпуса двинуться на подкрепление сражающихся около люнета. Весть о подвигах наших, сбивших в этом месте неприятеля, быстро распространилась по линии. Елецкого полка майор Т***, в восторге воинского духа, скакал от места сражения по нашей линии, провозглашая всем, что французы разбиты и неаполитанский король взят в плен. Этот майор немного картавил, а потому невольно рассмешил нас своим провозглашением, крича из всей силы: «Бьятцы! Мюята взяли!» Но этот мнимый Мюрат был генерал Бонами. Когда русский гренадер хотел его колоть, то он для спасения своего вскричал: «Я король!» Тогда усач, взяв короля за шиворот, потащил к главнокомандующему. Князь Кутузов тут же поздравил рядового унтер-офицером и наградил его знаком отличия военного ордена Св. Георгия. Встреча около люнета недешево и нам стоила: тут на батарее убили начальника всей артиллерии графа Кутайсова, генерала, обещавшего много своими личными достоинствами.*

Пехота 4-го корпуса пошла к центру, но артиллерия еще оставалась в резерве. Мы с Фигнером беспрестанно ожидали, не позвуют ли и нас на кровавое пиршество. Фигнер от нетерпения беспрестанно ездил к генералу Милорадовичу, командовавшему тогда правым флангом, подвинутым к центру, и просил, чтобы дали место для действия его роте, но еще не было в нас надобности, и мы до полудня оставались в тщетном ожидании. Нам велено было только вывезти из кустарников орудия, поставить их вместе и быть в готовности. Из любопытства я въехал на ближайший курган, перед дер. Горки, с которого русская батарея стреляла в неприятельские колонны. Тут открылось передо мной обширное поле сражения. Я видел, как наша пехота, в густых массах, сходилась с неприятельской; видел, как приближаясь одна к другой, пускали они батальный огонь, развертывались, рассыпались и наконец исчезали: на месте оставались только убитые, а возвращались раненые. Другие колонны опять сходились и опять таким же образом

исчезали. Это зрелище истребления людей столько поразило меня, что я не мог более смотреть и со сжатым сердцем отъехал к своим пушкам. Французские кирасиры и уланы сделали нападение на пехоту 4-го корпуса, но ружейным огнем были отбиты; в этом случае отличились полки: 34-й егерский и Перновский. Последний, предводимый храбрым генералом Чоглоковым, построился в батальонные каре и сам пошел на неприятельскую кавалерию; передней шеренги гренадеры даже бросали вдогонку французов ружья со штыками. Находившиеся для подкрепления этого полка, гусары и уланы преследовали французскую кавалерию до неприятельской пехоты.

Казалось, главнокомандующий не терял еще надежды на победу, доколе большой мост, в центре линии, и село Семеновское, на левом фланге, находились в наших руках. Отклоняя, сколько возможно, увеличившуюся на левом фланге опасность, он старался потерянное возвратить, и все силы употреблял на то, чтобы колеблющуюся победу обратить к русским знаменам. Для развлечения внимания неприятелей он приказал генерал-лейтенанту Уварову с 1-м кавалерийским корпусом перейти р. Колочу и атаковать их левый фланг, открытый за сел. Бородино. Мы с удовольствием смотрели, как кавалерия наша, по ту сторону реки, длинными линиями красных, синих гусаров и уланов, двигалась вперед, потом ударила на французскую кавалерию и прогнала ее далеко за Бородино, там напала она на батареи, причем Елисаветградский гусарский полк отнял две пушки. Но четыре полка неприятельской пехоты, от Бородино построившись в каре, пошли на нашу кавалерию, она попеременно атаковала каждое каре и, будучи не в состоянии ни одного разбить, отступила. В это время Фигнер получил приказание с артиллерией подойти к д. Горкам, на пути мы слышали вправо сильную ружейную стрельбу, производимую французами против нашей кавалерии — и вдруг несколько рассеянных гусаров проскакало мимо нас. Некоторые из них, простреленные, тут же падали с лошадей, в том числе один прекрасный офицер, пробитый пулей в грудь, упал с лошади в двух шагах перед нами... Вскоре затем увидели мы два Донские казачьи полка, довольно искусно прошедшие врассыпную вперед, под ядрами, без всякого урона, потом они собрались и ударили вместе на французов.

Пополудни, когда вице-король итальянский делал последний приступ на наш курганный люнет, батарейный и ружейный огонь, бросаемый с него во все стороны, уподоблял этот курган огнедышащему жерлу, притом блеск сабель, палашей, штыков, шлемов и лат от ярких лучей заходящего солнца — всё вместе представляло ужасную и величественную картину. Мы от дер. Горки были свидетелями этого кровопролитного приступа. Кавалерия наша мешалась с неприятельской в жестокой сече: стрелялись, рубились и кололи друг друга со всех сторон. Уже французы подошли под самый люнет, и пушки наши — после

окончательного залпа — умолкли. Глухой крик давал знать, что неприятели ворвались на вал, и началась работа штыками. Французский генерал Коленкур первый ворвался с тыла на редут, и первый был убит; кирасиры же его, встреченные вне окопа нашей пехотой, были засыпаны пулями и прогнаны с большим уроном. Между тем пехота неприятельская лезла на вал со всех сторон и была опрокидываемая штыками русских в ров, который наполнился трупами убитых, но свежие колонны заступали места разбитых и с новой яростью лезли умирать; наши с равным ожесточением встречали их и сами падали вместе с врагами. Наконец французы с бешенством ворвались в люнет и кололи всех, кто им попадался; особенно потерпели артиллеристы, смертоносно действовавшие на батарее. Тогда курганный люнет остался в руках неприятелей. Это был последний трофей истощенных сил их. Груды тел лежали внутри и вне окопа: почти все храбрые защитники его пали. Так жестока была битва.

Еще оставался на нашей стороне один большой редут, с которого продолжалась упорная канонада против Бородино, но как уже французы, претерпев большой урон, истощились в силах, и у Наполеона оставалась только одна гвардия в резерве, то посему и не предпринимали они нового приступа на этот последний редут. Неприятели довольствовались только стрельбой артиллерии. Войска их старались стать в закрытые места от убийственного огня наших батарей. Канонада с обеих сторон продолжалась до самого вечера, с наступлением мрака она стала ослабевать, прежде у неприятелей. Это было против обыкновения, ибо французы имели обычай к вечеру всегда усиливать огонь и натиск во всех местах, в знак своей победы, теперь же они признавались в бессилии. Наконец их артиллерия замолчала, наша также утихла, и мало-помалу ужасная битва прекратилась.

Багровое светило дня, омочив в крови погибших последние лучи свои уже скрылось за горизонт, как будто содрогаясь от ужасного побоища; мрак ночи покрыл ристалище смерти, и пороховой дым и смрад ложились тяжелым туманом на необозримое поле битвы.

Таким образом кончилась знаменитая битва 26 августа. Неприятели овладели всеми нашими редутами на левом фланге и по левую сторону большой дороги; они сдвинули нас с позиции только на одном фланге и заняли третью часть ее, посему они выиграли не более как вполовину. Победа их не была победой: русские не были разбиты, приведены в замешательство, нигде не бежали. Наши силы еще оставались сосредоточенными от сел. Горки по Семеновскому оврагу до старой Смоленской дороги и стояли во всей готовности отражать дальнейшие покушения неприятелей. Они первые замолчали, посему первые признались в своем изнеможении; у Наполеона в резерве оставалась только одна гвардия, не бывшая в деле, так же, как и у нас оставались некоторые полки. Князь Кутузов употреблял резервы с

благоразумной экономией и мог еще держаться до последней крайности в добром порядке. Наполеон позволил нам отступить к Можайску без всякого со своей стороны преследования, посему видно было, что он точно обломал зубы, и, казалось, был доволен тем, что ему уступили поле сражения для удостоверения в несметной потере, которую понесли его войска, особенно кавалерия, ибо лучшие полки кирасиров и драгунов были истреблены. Эта потеря осталась невозвратной: здесь-то увял цвет французской армии, здесь-то впервые сокрушились грозные силы завоевателя Европы ...

... Рота артиллерии капитана Фигнера, несмотря на его пламенное желание поколотиться с французами, не была в действии. Пополудни подвинули нас к д. Горгкам, откуда мы были свидетелями военных ужасов. Когда, после взятия неприятелями курганного люнета, войска наши сосредоточились в ожидании нового нападения, к нам приехал адъютант генерала Милорадовича, и повел нашу роту к самому центру, который тогда сделался правым флангом боевой линии. Мы приготовились и ободрили солдат, полагая тотчас вступить в дело, напротив того, адъютант довел нас только до драгунов и, оставив позади их, сам уехал. Тут увидели мы немало убитых русских солдат и один взорванный артиллерийский зарядный ящик, вокруг которого земля была выжжена, а лошади и ездовой разбросаны обгорелые. Вправо от нас, в ста саженьях за окопом, стояли четыре конные орудия: неприятельские ядра доколачивали их; около пушек вертелось человека по три канониров, а прочие вокруг лежали убитые. Драгуны перед нами беспрестанно валились с лошадей от ядер и пуль. Мы за ними стояли очень тесно, пушка подле пушки, не скидывая с передков, в ожидании назначения. Фигнер на правом, а я на левом флангах, находились верхом перед орудиями. Ядра, гранаты, картечь и даже пули, перелетая через драгунов, били нашу артиллерию, от чего мы потеряли несколько людей и лошадей. Тут испытал я, что нет ничего хуже во время сражения, как стоять под неприятельскими выстрелами без действия: почти каждый солдат провожает ядро глазами и невольно отдает ему почтение. Повернув свою лошадь, я подъехал к Фигнеру и только что стал говорить ему: «Видно, мы не дождемся приказа! Станем лучше рядом с этими артиллеристами, которых там доколачивают, и будем сами действовать, чем терять...» Я не досказал, как вдруг что-то пролетело мимо левого виска моего и сшибло меня с лошади. Я упал без чувств на землю и четверть часа лежал как мертвый. Меня не поднимали, полагая убитым, но, когда после крепкого обморока чувства мои стали оживляться и память возвращалась, я ощутил себя лежащим на земле и стал шевелиться. Канониры, приметив во мне движение, подошли и подняли меня. Я шатался как одурелый; разбитая голова моя переваливалась с плеча на плечо; она горела с чрезвычайной болью; причем не мог я различать предметов: всё вокруг меня вертелось и,

казалось, как будто в тумане. По минутном отдохновении меня взвалили на лошадь и я, склонившись на ее шею, поехал по данному направлению, сам не зная куда».

Заканчивая разговор об участии Ельцев в Бородинском сражении необходимо заметить, что в ряде источников указывается, что якобы в Бородинском сражении гренадерские роты полка участвовали в составе 2-й сводно-гренадерской дивизии генерал-майора графа М.С. Воронцова и защищали Багратионовские флеши.

На мой взгляд это утверждение ложное, так как, во-первых, сводно-гренадерская дивизия графа М.С. Воронцова входила в состав 2-й армии и комплектование ее частей за счет частей 1-ой армии было не возможно. Во-вторых, и Николай Петрович Поликарпов (см. сноску 91), и Модест Иванович Богданович (см. сноску 92) в своих работах прямо указывают, что 2-я сводно-гренадерская дивизия генерал-майора графа М.С. Воронцова в составе 10 батальонов и 24 орудий была скомплектована:

- 1-я бригада - 4 батальона из гренадерских батальонов 7-й и 24-й пехотных дивизий;

- 2-я бригада - 6 батальонов из гренадерских батальонов 2-й гренадерской, 12-й и 26-й пехотных дивизий.